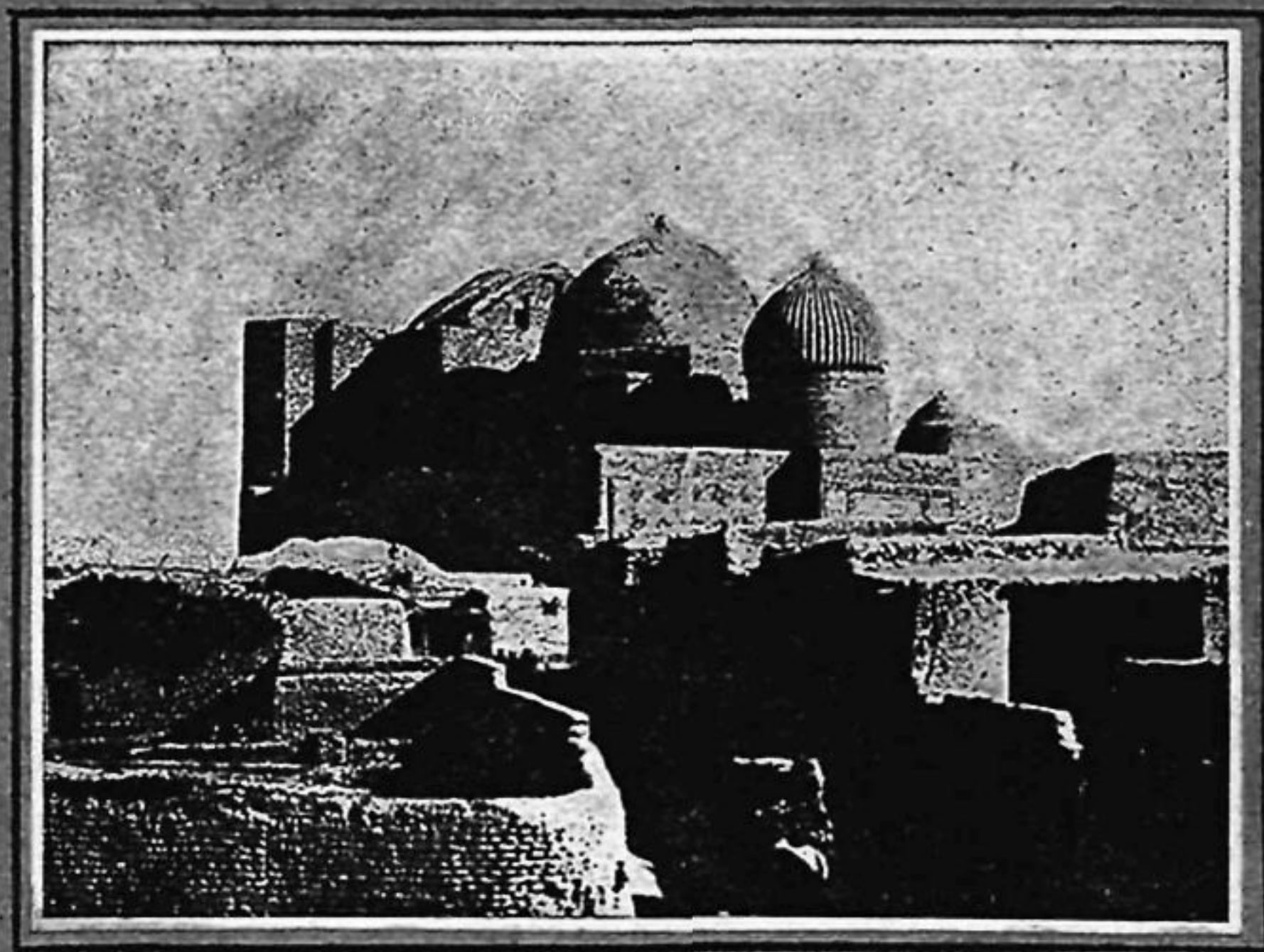

М. Е. МАССОН

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви

Вид мавзолея с северной стороны

ТАШКЕНТ
1930

Сыр-Дарьинское Отделение Общества Изучения Казакстана

М. Е. МАССОН

МАВЗОЛЕЙ ХОДЖА АХМЕДА ЯСЕВИ

ТАШКЕНТ
1930

Массон, Михаил Егорович,
действительный член Сыр-дарьинского
Отдела Общества Изучения Казакстана.

Печатается по постановлению правления Сыр-дарьинского Отдела Общества Изучения
Казакстана.

Председатель *Б. П. Тризна.*

Секретарь *И. К. Шпота.*

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви.

Ходжа Ахмед Ясеви. Берега среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи были одним из тех путей, по которому с давних пор медленным процессом шло упорное продвижение к северу, в глубь степи колонизационного людского потока из коренных культурных земель Средней Азии. Вместе с купцами и ремесленниками, а вслед за ними земледельцами и миссионерами, в занимаемые кочевниками области проникали и укреплялись достижения оседлой культуры. Мало-по-малу места случайных временных торжищ сменились постоянными базарами, породившими города, и в XII веке н. э. на караванном пути из Шаша (Ташкента) вдоль правого берега Сыр-Дарьи раскинулось уже немало селений и городов.

В одном из них, именовавшемся тогда Ясы (Иеси) и стоявшем на месте нынешнего города Туркестана¹, в то время подвизался на поприще суфия Ходжа Ахмед Ясеви. Его отец Ибрагим, сын Махмуда, сына Ифтихара, был родом из тамошних турок². Еще будучи ребенком, вдумчивый, впечатлительный и нервный Ахмед обратил на себя внимание местного турецкого шейха Баб-Араслана, который занялся его духовным воспитанием. Позднее, после смерти своего наставника Ходжа Ахмед отправился в Бухару и там, прослушав курс поучений у знаменитого тогда шейха Ходжа Юсуфа Хамаданского, получил „иршад“—разрешение на право самому поучать суфийскому „пути к познанию истины“ (тарикат). Некоторое время он даже руководил бухарской общиной суфиев, известных позднее под именем накшбандиев, но затем покинул Бухару и вернулся в Ясы. Здесь для благочестивого аскета развернулось обширное поле деятельности. Его нравственный авторитет привлекал к нему даже издалика людей, искавших совета и утешения. Живым примером личной жизни и простым, легко доступным пониманию языком, убежденно призывал Ход-

¹ Современное наименование Туркестана начало входить в употребление с XVI в. Название Ясы не встречается в исторической литературе домонгольского периода, хотя, судя по прозвищу Ходжа Ахмеда, можно предполагать, что тогда оно уже было в ходу. В X веке в этом районе упоминается обширный город Шавгар, который, по данным арабских дорожников, мог находиться на месте нынешнего Туркестана. Полученные до сих пор на месте археологические материалы свидетельствуют пока лишь о существовании здесь городского поселения в XII веке. Местное предание считает, что город Ясы находился на месте развалин к юго-востоку от Туркестана недалеко от Отрара.

² Имеется еще вымышленная генеалогия Ходжа Ахмеда, устанавливающая его арабское происхождение из рода Фатьмы. По ней шейх в одиннадцатом колене имел своим предком, между прочим, святого Исхак-баба. Живое предание считает, что Ходжа Ахмед жил сперва в Сайраме, где до сих пор в разных местах указывают могилы его отца Ибрагим-ата, его матери Кара-чеч-мама и двух сыновей: Лятиф-ата и Мустафа-Кули-ата. В городе Туркестане до 1896 года недалеко от мавзолея Ходжа Ахмеда существовал мазар, якобы, его дочери Джемаль-ханым, а за городом и до сих пор стоит невзрачное сооружение над могилой другой его дочери Гаухар-хуштадж. По мнению некоторых, надгробие на территории военного госпиталя в г. Ташкенте обозначает место погребения еще одного из сыновей туркестанского шейха.

жа Ахмед приходивших к нему к следованию добру, нестяжательности, смирению и послушанию учителю, как того требует суфийское учение. Число его последователей и духовных чад (мюридов) быстро возросло. Все окрестные турецкие племена, среди которых ислам до того едва только пустил корни, признали его своим духовным главой и дали ему прозвище „ата“ (отец). В это время Средняя Азия переживала нашествие с востока немусульманского народа—китаев (кара-китаев). Укрепившись в долине реки Чу, они в 1137 году при Ходжете нанесли поражение самаркандскому хану Махмуду, а в 1141 г. в Катаванской степи к северу от Самарканда наголову разбили объединенные войска самаркандцев и сельджукского султана Санджара. В образованном ими новом государстве ислам утратил свое положение господствующей религии и должен был довольствоваться равноправностью с прочими культурами. Может быть, этим отчасти и объясняется замечательная веротерпимость проповедей Ходжа Ахмеда, которыми он сумел снискать огромную популярность себе, а исламу завербовать новые тысячи прозелитов. Последовавшая в 562 г. х. (1166/7 г. н. э.) на пятом десятилетии проповеднической деятельности смерть этого знаменитого турецкого шейха нисколько не уменьшила его славы и популярности¹. К его могиле стекались ежегодно тысячи паломников. Широко распространился составленный на турецком языке сборник суфийских стихотворений „Хикмет“ (Премудрость), автором которого считался Ходжа Ахмед. Национальным святым средне-азиатских турецких кочевников и одним из первых у оседлых мусульман Средней Азии стал мистик из города Ясы, бывший при жизни апостолом бедности.

История возникнове- ния мавзолея.

Но не только былые скромные аскетические „подвиги“ Ходжа Ахмеда и вера в его заступничество перед богом привели к тому, что более чем два века спустя прежде и, вероятно, пришедшее в ветхость намогильное сооружение² должно было уступить место новому блестящему зданию по воле „обладателя счастливой звезды“, эмира Тимура. Тонкий политический расчет руководил при этом великим эмиром. Не раз полупокорные сыр-дарьинские степняки, угрожая далекому тылу армии и даже сердцу государства—столице Самарканду, заставляли полководца прерывать разрешение начатых стратегических замыслов. Польстить чувству кочевников вниманием к их национальной святыне; подчеркнуть духовное единство народов, исповедывавших ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла, а исполнением его дать представление о мощи империи—вот те практические цели, которые имелись в виду при возведении на окраине государства в конце XIV столетия первоклассного памятника средне-азиатского зодчества.

Официальная история Тимура „Книга побед“ связывает повествование о закладке здания с событиями конца 799 г. х., т.-е. осени

¹ Скольких лет умер Ходжа Ахмед, точно неизвестно. Из одного стихотворения Хикмета видно, что, достигнув 63 лет, т.-е. возраста, в котором скончался пророк Мухаммед, Ходжа Ахмед в память этого события спустился в подземную келью (чилля-хану), где и провел 60 дней и 60 ночей в посте и молитве.

² При ремонте крыши памятника Ходжа Ахмеда в 1923 году были найдены пять резных неглазированных кирпичных плит, относящихся, судя по орнаменту и технике исполнения, к XII веку и предназначавшихся для декоративного убранства наружных частей главного фасада относительно небольшого сооружения. Возможно, что они принадлежат облицовке первоначального мавзолея.

1397 г. н. э.¹. В это время под Самаркандом только что были закончены работы по устройству чудного сада „Дилькуша“ (радующий сердце), уготованного для приема новой невесты эмира, дочери моголистанского владетеля Хызр Ходжа-хана, по имени Тукель ханым. Сам Тимур выступил ей навстречу. Эскорт остановился лагерем на зимовку в Ахангеране, близ селения Чинас. В ожидании прибытия своей будущей супруги эмир в сентябре месяце проехал в город Ясы и торжественно совершал обряд зиарата (поклонение) могиле Ходжа Ахмеда. Выполнив его, эмир наградил подарками и приношениями живших при мазаре и некоторых из окружающих, после чего вернулся в свой стан близ Чинаса, где ему принесли известие, что ожидаемая Тукель ханым приближается. Вскоре вихрь последовавших событий далеко увлек отсюда Тимура, которому никогда больше не пришлось бывать в городе Ясы. В 1405 году, когда он снова оказался на берегах Сыр-Дарьи, в феврале месяце его постигла неожиданная смерть в городе Отраре, лежащем в 50-ти километрах к югу от места погребения Ходжа Ахмеда.

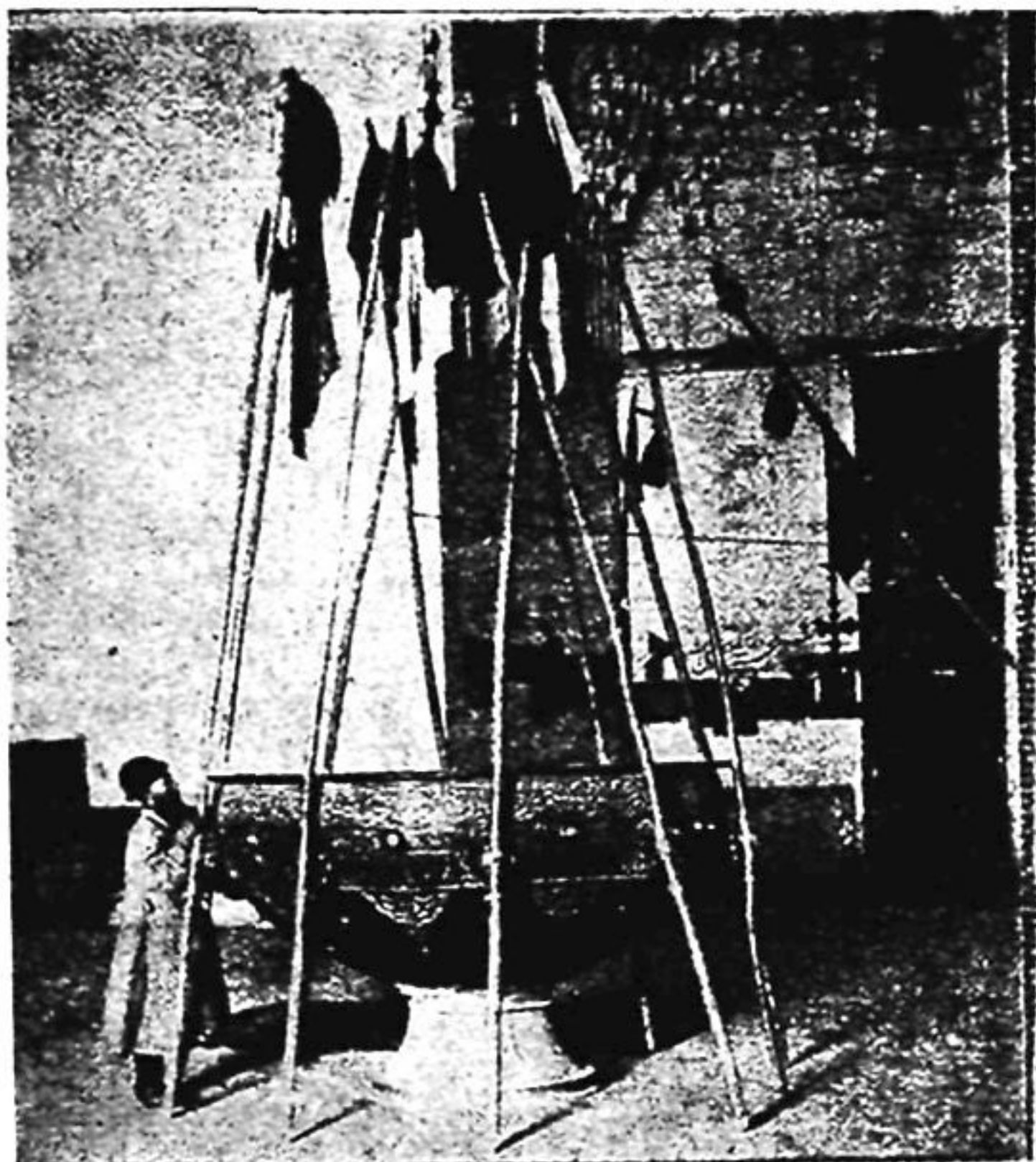
Из текста „Книги побед“ можно предположить, что именно во время пребывания Тимура в городе Ясы последовал приказ о возведении над могилой турецкого шейха нового мавзолея. Воля заказчика закреплена была указом, предусматривавшим общий план, основные размеры и отчасти даже некоторые декоративные детали самого здания и внутреннего убранства. Сорок одному гязу должен был быть равен диаметр главного купола, размерами которого уже обуславливались все остальные пропорции памятника. Спереди предполагался высокий арочный портал с двумя минаретами. За ним большое купольное квадратное помещение со сторонами в тридцать гязов и с вылитым, как и дверные петли, из сплава семи металлов водоемом (хаузом) посредине. Дальше комната со сторонами в двенадцать гязов, под меньшим куполом которой выложенное мраморными плитами из Тавриза надгробие самого шейха. Справа и слева от усыпальницы два помещения (чарсуфы) для устройства собраний, каждая 16,5 г. × 13,5 г. Кроме того, несколько других помещений, а также худжр для прибывающих на поклонение паломников. Купола и стены, как того требовали архитектурные вкусы эпохи, должны были быть одеты изразцами. Таковы были задания, осуществление которых было возложено на Мавляна Убайдулла Садра.

В надписях на разных частях памятника и на отдельных предметах его убранства до нас дошли еще некоторые имена персидских мастеров, участников сооружения мавзолея. Выкладку изразцовой рубашки вел некий Хаджи Хасан родом из Ширази, чье имя и дата работы—800 г. х.—выложены синими кирпичиками над наружной нишей северного фасада. Шестиугольный изразец с барабана малого ребристого купола над самой усыпальницей сохранили имя другого ширазца, Шемс Абд-ал-Вахаба, который, по надписи, был творцом, если и не всего мавзолея, то, вероятно, самой усыпальницы². Исфа-

¹ 799 г. хиджры начался 5 октября 1396 года и окончился 24 сентября 1397 года.

² По преданию, кирпичи и изразцы для усыпальницы изготовлялись в Саурани и оттуда вереницей стоящих людей передавались в Ясы на место постройки. Аналогичное же предание, распространенное в Ташкентском районе, гласит, что мазар над могилой шейха Занги-ата, считающегося потомком наставника Ахмеда Ясеви Баб Арслана, был сложен по приказанию Тимура из кирпича, предназначенного для постройки мавзолея туркестанскому шейху, при чем кирпичи были доставлены тем же ручным способом.

ганец Изз-ед-Дин, сын¹ Тадж-ед-Дина, сработал инкрустированные серебром бронзовые петли на двух дверях и несколько прекрасных бронзовых же подставок для свечей и чирагов. Огромный бронзовый котел отлит мастером Абд-ал-Азизом, сыном Сарвар-ед-Дина, из Тавриза.

Бронзовый котел в центре казанлыка.

Но даже при условии одновременности совместной работы всех перечисленных и других оставшихся безымянными мастеров и еще большего числа неквалифицированных рабочих, все же можно усомниться, что Мавляна Убайдулла Садру удалось закончить возведение здания в течение двух лет (а по некоторым рукописям—одного года), как то сообщает автор истории Тимура—Шереф-ед-Дин¹. До сих пор незаконченное черное тело главного портала—наглядный свидетель, что постройка вообще не была никогда завершена. Стоящий же на одной из петель внутренних дверей год 797 хиджры (1394/5 г. н. э.) свидетельствует, что начало работ положено не осенью 1397 года, а, вероятно, несколькими годами раньше, и что Тимур, совершая свой зиарат, должно быть, уже застал постройку в самом разгаре. Во всяком случае он мог лицезреть уже все шесть бронзовых подставок для чирагов и свечей, которые, как видно из надписи на них, сделаны для мавзолея по его распоряжению и окончены 20-го рамазана 799 г. х., т. е. 17-го июня 1397 года н. э.

¹ Ошибка Шереф-ед-Дина (а, может быть, только недостаточная точность текста) в указании момента закладки мавзолея вполне допустима, так как он начал составление своего труда в 822 г. х., и, следовательно, от указанного события его отделял значительный промежуток времени.

И в полном хронологическом согласии с этим, местное предание, записанное позднее, чем происходили затронутые в нем события, повествует, что после одного из своих налетов на Туркестан хан Золотой Орды и долгие годы серьезный противник средне-азиатского завоевателя—Тохтамыш при возвращении на Волгу увез все ценные приношения верующих мазару Ходжа Ахмеда и имущество потомков шейха. Являясь как бы мстителем за святотатство, Тимур сумел разбить Тохтамыша и вернул все взятое им из города Ясы. Захваченная же у татар богатая добыча в значительной части отпущена была, „согласно полученному Тимуром во сне указанию“, на возведение нового мавзолея и медресе при нем. Только преждевременная смерть эмира помешала окончить усыпальницу, а к постройке медресе и не приступили.

Так гласит предание. История же знает лишь, что Тохтамыш, начиная с 1387 года, неоднократно вторгался в Среднюю Азию. Не раз сам Тимур встречался с ним на поле брани, и лишь решительные сражения 1395 года окончательно устранили татарского хана с его победоносного пути. В этом же году сожженная столица Золотой Орды—Сарай дала Тимуру крупную военную добычу.

Какова бы ни была истинная последовательность событий, остается несомненным, что при возведении мавзолея Ходжа Ахмеда строитель озаботился обеспечить ему дальнейшее существование. Длинный свиток дошедшей до нас его вакф-наме (дарственной грамоты) содержит перечень отчужденных в окрестностях города Ясы поливных земель и арыков, доходы с которых подлежали строгому распределению, согласно сделанному эмиром завещанию¹. В должности первого мутевалли с наследственным правом был назначен потомок брата Ходжа Ахмеда, по имени Мир Али Ходжа шейх, как человек по своим нравственным качествам вполне достойный вести дела по управлению вакуфным имуществом. Вознаграждение ему определено в размере одной десятой всех доходов. Возглашение молитвы за государя и другие обязанности хатиба были возложены на Хазрет Дервиш Али, и право на занятие этой должности также закреплялось за его потомками. Установленный штатный состав лиц, обслуживающих мазар, предусматривал двух кари, могущих читать наизусть все суры корана, водоноса, уборщика и двух садовников при вакуфном саде. Для кари, людей творящих зикр, бедняков, калек, сирот и странников предлагалось делать гороховые лепешки, а два раза в неделю, по пятницам и понедельникам, варить особое кушанье, „халим“ из 2¹/₂ батманов пшеницы и 2 батманов мяса².

Годовая потребность продуктов и топлива обусловлена была определенными количествами. Остаток средств, получающихся после удовлетворения содержанием всех вышеперечисленных лиц и после покрытия расходов на другие нужды, должен был идти на ремонт и поддержание самого здания усыпальницы. Торжественные слова конца дарственной грамоты объявляют волю вакуфодателя ненарушимой.

¹ Про сохранившиеся в вакуфном пользовании мазара ко времени русского завоевания два арыка шейхи говорили, что они—чудо святого Ахмеда, который ударил по земле своим посохом и приказал выступить воде. Появившиеся в этом месте источники (булаки) стали давать воду для арыков в потребном количестве.

² Батман—условная мера веса от 8 до 16 пудов, варьирующая в зависимости от места и времени.

„А если кто-либо нарушит определенные условия и права этого вакуфа, да будет тот предан проклятию всевышнего аллаха, ангелов и всех людей. Да подвергнется такой человек вечному мучению создателя“.

Дальнейшая история мавзолея.

Можно думать, что в течение первых полутора веков существования вакуф действительно оставался неприкосновенным, хотя уже в конце XV столетия Тимуриды утратили фактическую власть над городом Ясы, находившимся на территории, занятой узбеками. Еще в 1451 году с помощью их талантливой предводителя Абулхайра внук Тимура, Абу Саид, овладел самаркандским престолом, при чем сумел не пустить узбеков в столицу и тем спас ее от разграбления. В благодарность же за оказанную поддержку в ставку Абулхайра за все время его пребывания в долине Зеравшана ежедневно отправлялись богатые подарки. Перед его уходом в степь за него, с согласия светских и духовных сановников, была выдана замуж дочь знаменитого Тимурида Улугбека, Раби'а Султан бегум, ставшая за время своего двадцатилетнего замужества матерью двух узбекских ханов—Кучкунчи и Суюнича. После смерти своего супруга она прожила вдовой еще 16 лет и была погребена, по преданию, в специально для нее отстроенном неподалеку от мазара Ходжа Ахмеда купольном мавзолее, покрытом изразцами. Красивое мраморное надгробие датой ее смерти называет один из месяцев 890 года хиджры, т.-е. 1485 год н. э. В 931 г. х. (=1524/5 г. н. э.) скончался ее сын Суюнич-хан и был погребен поблизости от могилы туркестанского шейха, под сводами мазара которого хорошо сохранились еще два надгробия: внука и внучки Суюнич-хана—Кул Мухамед Султана (умершего в 930 г. х.) и Мастура-хатун. Если все эти надгробия стоят теперь на своих первоначальных местах, то, следовательно, некоторые помещения памятника Ходжа Ахмеда не служили первоначальному своему назначению, а превратились в склепы уже в начале XVI века.

Начиная со второй половины этого столетия, город Туркестан находился большей частью под властью казаков. Лишь в конце он короткое время признавал власть узбекского владетеля Бухары Абдулла-хана II (1583—1598 г. н. э.). Его посещение Туркестана не прошло бесследно для мавзолея. По преданию, Абдулла-хан отдал распоряжение свести незаконченную при постройке арку главного портала и сделать некоторые изменения в его щипцовой стене, что не противоречит данным современного исследования. Шейхам же была выдана дошедшая до нас грамота, подтверждающая дарованные Тимуром льготы.

С тех пор Туркестан почти вплоть до XIX века оставался одним из казакских центров и официальным местом пребывания то того, то иного хана старшей или средней Орды. Для могилы одного из них—героя народного эпоса Ишим-хана (конец XVI в.—начало XVII в.), успешно водившего казаков против узбеков и калмыков, был выстроен подле могилы Ходжа Ахмеда особый, небольшой, ныне совершенно разрушившийся мавзолей.

Не тронули могилы даже „неверные“ калмыки, которые в 1723 году под предводительством Цэван-Рабтана заняли Туркестан и владели им более двадцати лет. Политическая тактичность завоевателей объяснялась позднее духовенством страхом калмыков перед будто бы явившимся всем им Ходжа Ахмедом в грозном виде в тот момент, когда они собирались оскорбить его мазар.

Короткий период в конце XVIII—в начале XIX веков, когда Туркестан признавал временами власть Бухары, затем ташкентского правителя Юнус Хаджи и снова Бухары, в истории мавзолея Ходжа Ахмеда оставил след лишь в виде двух ханских грамот эмиров Данияла (1212 г. х.) и Хайдара (1219 г. х.), подтверждавших те личные и имущественные права его шейхов, какие они сумели сохранить к тому времени.

Летом 1819 года присоединение города, после неожиданного ночного нападения и немедленного разграбления, к владениям кокандского ханства, несколько дней спустя сопровождалось торжественным посещением знаменитого мазара самим Омар ханом, который велел при этом зарезать 70 жертвенных баранов и щедро одарил шейхов. С тех пор до самого русского завоевания все ханы, сменявшиеся на непрочном ферганском троне, давали шейхам мазара милостивые грамоты. Мухамед Али-хан, слывший искуснейшим каллиграфом своего времени, оставил даже на память о своем посещении в 1254 г. х. (1838/9 г. н. э.) собственноручно исполненную красивым почерком основную формулу ислама (калима) на листе бумаги, который долгое время висел перед входными дверьми в усыпальницу. В сороковых годах, в начале правления Худаяр-хана была упразднена должность мутевалли при мазаре. Для управления делами учредили новые должности шейх-ул-ислама, шейх-азиз-ляра и шейх-накыба, и совершенно устранили от участия в них прямых наследников брата Ходжа Ахмеда Саяр Шейха, чем нарушено было одно из условий вакф-наме Тимура. Но никто из правителей не проявил особых попечений о самом памятнике, который вошел тогда в состав укреплений рядом возведенной цитадели. Его обступили неопрятные, скверно сложенные постройки, квартир офицеров кокандского гарнизона. Часть второстепенных помещений внутри самого мавзолея была использована под склады военных и продовольственных припасов. На увенчанном грубыми крепостными зубцами портале, служившем благодаря своей высоте прекрасным обзорным пунктом, бессменно держался караул. Лишь только он улавливал в степной дали приближение врага, как тотчас же над аркой пештака взвивался огромный флаг, и тогда работающие на полях жители, привыкшие в эти смутные времена часто оглядываться на издали видимый массив мавзолея, в страхе бежали укрыться за городскими стенами¹. В зимние стужи солдаты караула, стоявшего у входа в мавзолей, постоянно разводили огонь, почему стены и дверь были сильно прокопчены дымом. А в 1846 году, когда отложившийся от Коканда правитель Туркестана таджик Канат-шах несколько месяцев успешно отсиживался за крепостной стеной от кокандских войск, мавзолей Ходжа Ахмеда долго стоял залитым водой, так как предводитель осаждавших Азиз Парваначи, пробовавший разными способами склонить противника к сдаче, отдал распоряжение поднять запрудами воду в арыках и затопить ею прилежащий к крепости район.

События войны в последний раз пронесли над памятником в 1864 году при трехдневной осаде города русскими войсками. Крыша и портал мавзолея были сплошь усеяны защитниками, но начальник

¹ Общее протяжение городской стены равнялось в это время приблизительно трем километрам в окружности. В ней было четверо ворот: Ишак-капка, Мусалля-капка (или Баб-араб, по имени одного из видных учеников Ходжа Ахмеда), Иетты-ата-капка и Дарваза-капка. Цитадель и мавзолей Ходжа Ахмеда помещались в северо-восточной части.

русского отряда Веревкин приказ артиллерии шадить средневековый архитектурный памятник. Когда же через перебежчиков стал известен пущенный духовенством для поднятия бодрости осажденных слух о чудесной силе, отвращающей снаряды „неверных“ от мазара, 11-го июня одиннадцать снарядов из выпущенных по зданию двенадцати один за другим достигли цели, уличив святого в бессилии и поколебав остаток веры у туркестанцев в его заступничество¹.

Первое время после завоевания русскими города часть помещений памятника Ходжа Ахмеда, как и при кокандцах, несколько лет была занята под провиантский магазин военного ведомства, а стоящее напротив здание мавзолея Раби'а Султан бегум служило артиллерийским складом. В начале 70-х годов администрация города постановила даже разобрать мавзолей Ходжа Ахмеда из опасения, что его давно не ремонтировавшиеся и изъязвленные трещинами стены могут рухнуть и повредить вновь выстроенные из сырцового кирпича казармы для гарнизона. Только во-время последовавшая отмена этого постановления из Ташкента спасла памятник от уничтожения. На него обратили внимание, и в 1872 году по распоряжению высшей власти в крае производился первый за много лет ремонт, при чем особое внимание было уделено очищению здания от накопившегося там мусора. Гораздо шире были поставлены работы по поддержанию памятника в 1884 году, когда из казны было отпущено на это 15.000 рублей. Были приведены в порядок крыши, устроены водосбросы, починены выкрошившиеся от времени низы стен, замощена значительная площадь вокруг них. Отсутствие понимания требований от такого рода реставрационных работ привело к тому, что при несомненно полезном поддержании здания сам памятник был частично изуродован. На наружную облицовку употреблен был кирпич европейского образца, а кладка, скрывшая следы первоначального убранства, произведена в полном противоречии со стилем сооружения. Внутри были забелены последние остатки древней клеевой росписи. По указанию увлекшегося реставрацией ташкентского мастера Закира¹, содрали уцелевшие еще изразцовые плитки мозаичной панели центрального помещения. Однако, угрозы возмутившихся ходжей убить его, если он коснется ниши перед усыпальницей, сохранили здесь первоначальное убранство нижних частей стен. Одновременно инженером Печенкиным был изготовлен первый план мавзолея, ремонт которого, за исчерпанием средств был приостановлен. До сих пор так и осталась незаконченной начатая облицовка специальными кирпичиками наружной поверхности главного купола.

Чтобы спасти от падения отошедший и начавший сильно оседать западный угол здания, там в 1886 и 1887 годах были подведены снаружи четыре солидные кирпичные контрфорса, а в августе 1895 года окон-

¹ Вера в заступничество святых при борьбе с русскими была очень сильна. Известно широко распространенное предсказание, что, несмотря на все видимые военные успехи пришельцев, посланных богом в наказание мусульманам за греховную жизнь, все же в конце-концов с помощью воскресшего в Самарканде Шах-и-Зинде русские будут разбиты; в следующем „1285 году (1868/9 г. н. э.) оживет Султан Ахмед, святые соберутся вокруг его, прочтут молитву—и исчезнет самый след неверных“.

² На алебастровой штукатурке заднего фасада долгое время видны были вырезанные имена четырех мастеров, приглашенных для этого ремонта из Ташкента: Закир-Ходжа, сын Азизляр-Ходжи, Абдул Мелик, сын мастера Абдул Гания, Мауля-кули и Сыдык-хан-Пир, сын Улуг-Ходжи.

чательно пришедший в негодность полуразвалившийся мавзолей Раби'а Султан бегум был разобран на кирпичи, употребленные затем на казенные постройки¹.

Более или менее детальное исследование памятника впервые было осуществлено летом 1905 года экспедицией русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, в составе профессора Веселовского и двух архитекторов—художников, изготовивших планы, фасады, разрезы мавзолея, а также несколько зарисовок его внутреннего убранства. Последовавшее же 11-го февраля 1906 года таинственное исчезновение из усыпальницы части одной из шести тимуровских бронзовых подставок для чирагов и свечей² заставило обратить внимание на охрану и поддержание этого интересного архитектурного сооружения. Вопрос широко освещался в туркестанской прессе. Туркестанский кружок любителей археологии поднимал вопрос о необходимости ремонта памятника. Специально командированный на место инженер исчислил расход на работы по поддержанию его в сумме 50.000 рублей. Со стороны некоторых мусульманских купцов из татар высказывалась готовность придти государству на помощь, но археологическая комиссия не нашла возможным принять денежное участие в этом, и никаких практических результатов не последовало до тех пор, пока в 1910 году шейхи по собственному почину на собранные путем пожертвования 12.000 рублей не произвели под наблюдением морского техника основательного ремонта с полной перекладкой части стен и перекрытий в помещении, где готовится кушанье „халим“. Для сбора пожертвований и контроля за расходованием общественных сумм создали особую комиссию с представителем администрации. Новая комиссия из нескольких инженеров в 1911 году произвела детальный осмотр состояния памятника и установила цифру в 100.000 рублей, необходимую для основательного ремонта. Некоторые помещения, признанные опасными для пребывания в них, опечатали.

Последовавшие вскоре мировая война и события первых лет революции надолго отвлекли внимание от мавзолея Ходжа Ахмеда³. Лишь после утверждения специального органа Средазкомстариса, ведавшего охраной памятников старины, к нему вновь проявлены были некоторые заботы. Начиная с 1922 года, несколько комиссий производили технический осмотр мавзолея, составляли сметы на ремонт с установлением разноочередности работ. Проводилась фотографическая регистрация памятника. Начато было составление нового

¹ Мавзолей Раби'а Султан бегум находился внутри кокандской цитадели в ее южном углу, к востоку от главного портала памятника Ходжа Ахмеда. Это было небольшое квадратное здание, перекрытое стрельчатым куполом на высоком цилиндрическом барабане. Его почти совершенно лишенное облицовки треснувшее основание давно уже повело к осадке здания, которое своим состоянием еще у видевших его в 1866 году вызывало серьезное опасение за сохранность. На барабане и куполе тогда сохранялись части изразцовой облицовки. Квадратная площадка, где стоял мавзолей, хорошо заметна и теперь. Самая ранняя по времени изготовления фотография с памятника, относящаяся к началу 70-х годов, хранится в Туркестанском Альбоме. Когда намогильный камень Раби'а Султан бегум был перенесен из ее мавзолея в помещение казанька памятника Ходжа Ахмеда—неизвестно.

² В 1910 году за границей удалось напасть на след пропавшей верхней части этой подставки. Тогда же было направлено в археологическую комиссию для сличения ее нижнее основание, которое в момент кражи было прикреплено к полу и потому не было унесено. Дальнейшая судьба поисков остается пока неизвестной.

³ В январе 1917 года, впрочем, по распоряжению военного ведомства инженер Рабчинский снял план нижнего этажа мавзолея.

плана; а в 1928 году произведен крупный ремонт по приведению в порядок нижних частей стен внутри здания и перекрытию куполом помещения с колодцем. Археологический надзор за производившимися наружными вскрытиями фундамента и разбор некоторых надписей дал ряд новых фактов для изучения этого средне-азиатского памятника, который с историко-архитектурной точки зрения представляет чрезвычайный интерес.

Историко-архитектурный характер мавзолея.

Все вышеприведенные практические цели, преследовавшиеся правительством Тимура при возведении мавзолея, были блестяще разрешены зодчими. Огромные материальные средства награбленной казны и самодержавная воля заказчика облегчали выполнение задачи. У созданного могучего мавзолея по плану и замыслу нет преемников в Средней Азии¹. Он уникален. Но в его вознесшейся мощной громаде за традиционными формами, выработанными искусством ислама, невольно чувствуются отголоски созвучных эпохе настроений, почерпнутых, быть может, не случайной интуицией из царственного стиля Персии эпохи Сасанидов и архитектуры императорской Византии. Дворцы Ктесифона и Фирузабада нашли свое отражение в характерной форме плана в виде буквы П; грандиозный свод аудиенц-залы сасанидских царей (Так-и-Кесра)—прообраз величественного портала.

Более четко влияние Византии, где существовавшая еще в сасанидской Персии идея воплощения в архитектуре „единства царя небесного и единовластия земного государя“ расцвела и нашла пышное выражение в константинопольском храме „Святой Софии“, отстроенном в 537 году. Зависимость от этого мирового памятника, определившего на много веков в значительной степени архитектуру не только православного Востока, но и мусульманской Турции, в мавзолее Ходжа Ахмеда настолько ясно выражена, что его с полным основанием можно именовать средне-азиатской Айя-Софией.

Такое же сосредоточенное расположение всех помещений около средней части, которая перекрыта большим куполом. Меньшие купольные покрытия боковых частей не нарушают доминирующего значения середины. Явственное расчленение боковых частей на шесть отдельных помещений. Случайно, вероятно, места и число лестничных клеток находятся в соответствии с константинопольским храмом, но не случайным совпадением, а самым характером здания определены два этажа боковых частей, которые в отличие от „Святой Софии“ отделены от центрального помещения не колоннадами, а сплошными стенами с дверными отверстиями внизу, что обуславливалось иным назначением этих комнат.

Не в одном только умении остро воспринять идею² и воплотить ее в архитектурном образе сказались гениальность и строительный опыт зодчих туркестанского мавзолея. Все здание, сложенное из

¹ Что туркестанский памятник есть именно мавзолей, а не просто мечеть, как его иногда ошибочно называют, явствует уже из того, что при построении его не было сделано даже попыток обязательной при возведении мечети ориентировки на Ка'бу в Мекке. Весь план здания вытянут с юго-востока на северо-запад, т.е. с отклонением почти в 60° от установленного направления. Даже ось ниши кыблы, устроенной, в виду этого, в боковой южной стене, имеет около 30° отклонения от истинного направления.

² С. Г. Маллицкий в применении сосредоточенного плана видит также воплощение идеи „объединения завоеваний, сделанных Тимуром, прочной государственностью и общим мировоззрением“.

прекрасного квадратного кирпича ¹ на алебастровом растворе, выведено с огромным запасом прочности и устойчивости, рассчитанным на долговременное существование. Устройством узких коридоров (юляк) предусматривалась различная осадка отдельных частей здания и придавалась независимость каждому своду. Чередование больших и малых пролетов, выгодное при переменной величине распоров, путем приема сосредоточения давления на немногих точках (многочисленные выступы в плане) дало возможность использовать до предела сопротивление материала, не теряя устойчивости, но с уменьшением масс самих опор. И совершенно непонятным фактом остается полное игнорирование талантливыми зодчими требований строительного искусства к такой ответственной части здания, как фундамент. В то время как его бутовые кладки на других известных памятниках эпохи Тимура, сложенные из крупных камней на растворе извести и золы, поражают своей излишней прочностью, под зданием мавзолея Ходжа Ахмеда, как установлено производившейся откопкой, не было подведено солидного фундамента. Под его стены, на глубину 25—30 см. от бывшего тогда уровня земли было положено несколько рядов небрежной кирпичной кладки, а вырытые под минаретами и порталом котлованы набили пересыпанной землей крупной галькой ². Отсутствие фундамента служит главной причиной оседания и вызывает этим постепенное разрушение памятника, который по удаленности своей от очагов землетрясений должен был бы значительно успешнее противостоять действию времени.

**Современный вид
и описание мавзолея.**

Впрочем, сравнительно с другими средне-азиатскими памятниками архитектуры, туркестанский мавзолей все же стоит по сохранности на одном из первых мест. Занимая чрезвычайно выгодное топографическое положение на относительно высоком месте, он своим отовсюду видимым массивом определяет самый лик города. Даже льнувшая чуть не вплотную полуразвалившаяся стена крепости немного скрывает в его могучих пропорциях. Культурный слой, мощностью в среднем от 0,90 м. до 1,10 м., отложившийся снаружи за пять с лишним веков, протекших со дня основания, и отчасти кирпичная облицовка, наложенная в 1884 году, скрывают теперь когда-то огибавшую с трех сторон памятник высокую панель. Как показало археологическое вскрытие 1928 года, внизу стена была одета гладкими прямоугольными плитами желтого песчаника. Над ними широкая полоса около 1,5 м., отороченная каемками голубых изразцов, была выложена сложным геометрическим орнаментом с основным элементом восьмилучевой звезды и чередующихся фигурных плит желтого песчаника и расписной майолики. Узкая лента нового ряда песчаных плиток служила панели границей, выше которой все свободное пространство стен, барабанов и куполов покрыто, главным образом, словно крупным узором для вышивания, голубыми, синими и белыми изразцами. На желто-сером фоне жженных облицовочных кирпичей они слагаются то в орнаментные полосы, то намечают сетку из геометрических фигур,

¹ Размеры кирпича сильно варьируют в разных частях здания: 24×24×6 см.; 25×25×5 см.; 26×26×6 см.; 26×27×6 см.; 28×28×6 см. и ряд промежуточных.

² По существующему среди коренных жителей Туркестана убеждению, при рытье небольших траншей для фундаментной кладки землю в них утрамбовывали копытами лошадей.

в которых помещаются многочисленные благочестивые восклицания, начертанием букв напоминающие тоже геометрический орнамент. Словами— „бог“, „Мухаммед“, „о, милосердный“, „о, милостивый“, „царство (принадлежит) богу“, „власть (принадлежит) богу“, „бог мой владыка“ и т. п. густо усеяно все здание, а у северо-западной угловой полуколонны в одном из малозаметных квадратов мастер-шиит вывел рядом с именем пророка и имя особо чтимого им халифа: „Мухаммед и Али“. Высокий парапет, скрывающий купол и своды боковых помещений, занят несколькими стихами шестой суры корана („скот“). В конце ее текста, приходящемся над глубокой большой нишей северной стены с могилой некоего Кукрас-хана, помещены имя мастера и дата его работы—800 г. х. Из пяти второстепенных, ныне заложенных, входов, выводящий на задний фасад перекрыт выступающей вперед аркой. Через него в старое время проходили на поклонение к гробнице знатные сановные лица. Здесь у южного устоя возведена кирпичная чираг-хана для возжигания свечей у могилы Аулье-хана, который, как и упоминавшийся выше Кукрас-хан, по преданию, был здесь похоронен еще до возведения здания и оставлен непо потревоженным по особому распоряжению Тимура из уважения к личности покойного.

Если задний фасад, законченный в своем наружном убранстве, как и оба боковые, являет собой теперь самую красивую по отделке наружную часть здания, то голый передний портал своими размерами и пропорциями при первом же взгляде поражает зрителя, у которого после этого от всего памятника остается ощущение величия. В его общем облике нельзя не заметить сходства с парадным входом дворца Тимура Ак-сарай в Шахрисиябзе, начатого постройкой значительно раньше, а именно, в 1380 году. Больше всего сближает их характер угловых минаретов, граненых внизу, с некоторой высоты переходящих в цилиндрические. Чудные декорации руин Ак-сарая и уцелевший остов портала мавзолея Ходжа Ахмеда в сопоставлении служат дополнением друг друга при мысленной реконструкции. Чтобы восстановить облик, какой должен был бы иметь пештак туркестанского памятника, надо представить, вместо поздних по времени безобразных зубцов, продолжение в высь стен портала, прямоугольной рамой обнимающее беспokoйно вонзающийся теперь в воздух замок сведенной при Абдулла-хане арки. Граница, где кончается первоначальная кладка и начинается достройка XVI века, точно пока не прослежена, но по целому ряду наблюдений она лежит около уровня граненых частей минарета. Балки, служившие при вторичных работах упорами для строительных лесов, до сих пор торчат в своих гнездах, далеко выступая наружу¹, а под самым замком арки висит прикрепленный тогда же медный шар. Народная молва передает, что в нем находится золото, положенное Абдулла-ханом II на случай необходимости вновь свести арку, если она когда-нибудь рухнет. Смельчаки, дерзавшие преждевременно воспользоваться содержимым этого шара, будто бы, всегда разбивались насмерть при своих попытках добраться до него. Как бы то ни было, шар бухарского хана с его неразгаданным назначением является невинным и неощутимым добавлением. Этого нельзя сказать относительно верхней ниши щипцовой стены, которая и по положению и по структуре выглядит здесь чуждым анахрониз-

¹ На одной из толстых балок, торчащих в северной щеке главной ниши портала, сохранилось, между прочим, несколько больших гвоздей эпохи достройки.

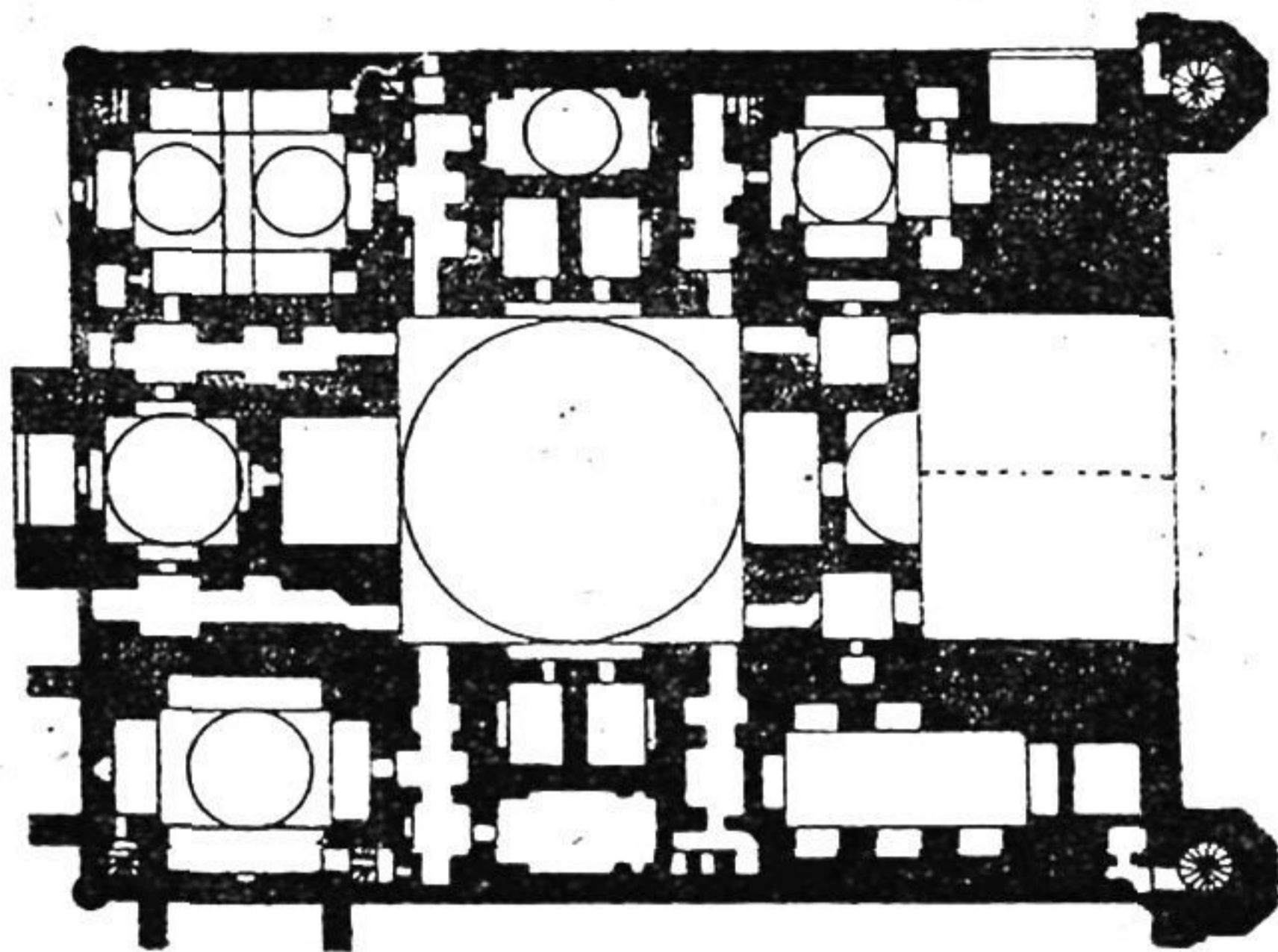
мом, режущим привычный глаз больше, чем пятна алебастровой штукатурки, собственноручно накладывавшейся юродивым Артуком, который подаянием собирал деньги на нужный для этого ганч. Ему же обязаны своим появлением нелепо обложенные изразцами капители и базы угловых полуколонок главного входа, справа и слева от которого поднимаются над полом скромные надгробия лиц, имевших возможность за право лежать вблизи святого уплатить сто и более рублей¹.

Два боковые входа, ведущие внутрь через небольшие комнаты, обычно стоят закрытыми, а посетитель пропускается через главный центральный вход с навешенными дверьми прекрасной двухпланной резьбы со следами инкрустации из кости. В полном соответствии с их художественной ценностью находится прикрепленная к ним пара ажурных бронзовых петель (халька) с надчеканкою серебра и золота. С их шарнира глядят три львиные головы; внизу вплетены в орнамент рыбы и птичьи головки. Выложенный серебром текст называет имя мастера Изз-ед-Дина и год их изготовления 799. Неизмеримо ниже в художественном отношении третья петля, помеченная датой 1257 г. х. (= 1841/2 г. н. э.) и поднесенная правителем города упоминавшимся выше таджиком Канат-шах. Большой интерес представляет также не столь древнего происхождения небольшой железный засов с посаженными на нем миниатюрными фигурками двух львов, группы из пяти сидящих птиц, одной отдельной птички, двух сидящих мух и еще какого-то насекомого.

Переступая порог входной двери, посетитель сразу попадает в центральное и самое большое помещение, представляющее квадратную комнату со сторонами 18,5 м. Две глубокие ниши у входа и в противоположном конце и две плоские по бокам придают ее плану крестообразный характер. Повышенный, благодаря восьмигранному барабану, купол с внутренней стороны густо покрыт рельефными сталактитами, на которых кое-где сохранились следы былой орнаментальной росписи охрой с черными контурами. Четыре боковых окна льют скудный свет на голые ровные стены, облезшая роспись которых скрыта теперь под слоем побелки восьмидесятых годов. Кое-где вдоль стен, прерываемых в нижней части четырнадцатью дверными пролетами, уцелели части изразцовой панели с угловыми полуколонками синей поливы. Тут же разбросано несколько намогильных камней XV, XVI и XIX веков, среди которых самым красивым является надгробие Раби'а Султан бегум. Выложенный фигурным кирпичем ровный теперь пол до реставрации 1884 года в середине был понижен, а граница этого квадратного опущения легко прослеживается еще и теперь. Здесь в центре стоит огромный, в рост человека, бронзовый котел—„казан“, давший наименование всей комнате—„казанлык“. Десять высоких тугов с пушистыми волосьяными хвостами, тряпками, а

¹ По мнению мусульман, близость погребения к могиле святого сулит заступничество его перед богом в загробном мире, а так как Ходжа Ахмед считается особенно угодным богу, то стремящихся быть похороненными подле его мавзолея очень много. Из них свое желание могли осуществить только состоятельные люди, так как шейхи брали за разрешение очень крупную мзду деньгами или натурой. Многие казаки присылали им даже небольшие табуны лошадей, лишь бы быть опущенными после смерти в землю у стен памятника. Бывали случаи, когда ловкие люди ухитрялись, обманув бдительность шейхов, подсунуть своего покойника тайком в темную ночь, умело скрыть следы и не уплатить ничего причту мазара. От слишком частых погребений под самыми стенами здания в некоторых местах его нижние части пришли в разрушение. Они же послужили причиной осадки и раскола стены малой мечети.

некоторые с металлическими наконечниками, увенчанными полумесяцем, обступают котел, прикрепленные к его десяти массивным петлям. 30 выпуклых шишек, тремя рядами посаженные на верхней его части, оживляют плоский рельеф небогатого орнамента и трех полос надписей. Нижняя из них много раз повторяет, что „царство принадлежит богу“. Средняя заключает начертанные то справа налево, то слева направо восклицание—„да будет благополучно“ и указание, что сработал котел Абд-ал-Азиз, сын Сарвар-ед-Дина, из Тавриза¹. Наконец, верхняя надпись содержит начало одного стиха корана и указание, что этот сосуд для воды—сакоя отлит по распоряжению Тимура

План нижнего этажа мавзолея Ходжа Ахмеда.

20 шаваля 801¹/₂ г. х., т.-е 25-го июня 1399 г. н. э. В том месте, где на котле приходится слова „запретная мечеть“, бесчисленные прикосновения губ молящихся отполировали неровную поверхность, на которой резко выделяются своим металлическим блеском буквы текста, на остальной поверхности котла покрытые вековой патиной с зеленоватым оттенком окиси. Когда-то в котел наливалась подслащенная вода, раздававшаяся правоверным по окончании пятничной молитвы, после чего тут же следовала раздача бедным и странникам особого кушанья „халим“. Оно приготавливалось в находящейся с левой стороны за коридором („юляк“) комнате, носящей поэтому название „халим хана“. Здесь сложена крупная печь с двумя котлами. В них с четверга клались 8—10 пудов пшеницы, баранья туша с курдюком, изрезанная на мелкие куски, соль, и все это, залитое водой, варилось около 20 часов. После этого огромным деревянным ковшом получившаяся киселеоб-

¹ Недалеко от селения Карнак, лежащего в 25 километрах к северу от города Туркестана, жители показывают развалины завода, на котором, будто бы, отливался котел для мавзолея Ходжа Ахмеда.

разная каша серого цвета выкладывалась в большое деревянное корыто на носилках, именуемое „чара“. Четверо человек вносили его в „казанлык“, где несколько поваров принимались быстро раскладывать халим в деревянные чашки. Чинно сидевшие по окончании проповеди богомольцы, не сходя с места, быстро передавали друг другу чашки с едой. Процедура угощения обычно бывала окончена в полчаса и помещение пустело¹.

Симметрично „халим хане“ с правой стороны также за коридором расположено большое купольное помещение с колодецем. Первоначальное назначение комнаты—неизвестно. Колодец же—„кудук“, давший ей наименование, был вырыт в смутную пору конца XVIII—начала XIX века, когда жителям часто приходилось отсиживаться от нападения кочевников в прочном здании мавзолея, как в осажденной крепости.

Две пары дверей, пробитых в плоских нишах центрального „казанлыка“, ведут в небольшие комнатки—„худжры“, за которыми расположены продолговатые помещения, сообщающиеся с казанлыком через корридоры (юляк). Левое носит название „китаб хана“, так как, по преданию, здесь помещалась библиотека. Правое—Малый Ак-сарай, под сводами которого лежит шесть надгробных плит. Здесь, между прочим, погребен Кул Мухаммед Султан, внук Абулхайра. Одно из надгробий какой-то казакской женщины покрыто изображениями предметов ее обихода: зеркало, гребень, ножницы.

Лежащее напротив и приходящееся в северном углу всего здания помещение Большого Ак-сарая с двухкупольным перекрытием также содержит несколько погребений. Земляной пол здесь постоянно взрыхлен многочисленными бугорками, от 6 до 10 сантиметров вышиною, напоминающими собой намогильные насыпи мусульманских кладбищ. На некоторых стоят воткнутыми прутья. Это „могилки для души“ казаков, чьи тела похоронены далеко в необъятной степи. Магическая сила, насыпанной здесь вблизи мазара Ходжа Ахмеда символической могилки; по народным верованиям, приблизит в день страшного суда души умерших к святому, и тот освободит грешников от гнева аллаха. Так как могилки многие годы возводились, главным образом у северной стороны, а земля бралась у противоположного конца, то с течением времени при входе в Ак-сарай образовалась яма, а у наружной стены выросла большая куча. Только при ремонте 1928 года пол был выровнен.

Кроме коридора рядом с Малым Ак-сараем; Большой Ак-сарай соединяется с „казанлыком“ вторым юляком, в котором среди других надгробий лежит крупный камень Суюнич-хана, обычно приписываемый его отцу Абулхайру. Его гладко отполированная поверхность отражает предметы, и если смотреть сбоку на длинную вертикальную грань, то в ней можно увидеть, на основании закона равенства углов падения и отражения, стену „казанлыка“. За это „чудо“ камень прозвали „Айна-таш“—камень-зеркало.

Парным Большому Ак-сарая в западном углу памятника является помещение малой мечети. Ход в нее из центрального казанлыка ведет через коридор Юлбарс-хана, по имени лица, похороненного в нем. Его могила, правильно ориентированная по длине с севера на юг, резко углом выдается в проходе. По преданию, здесь похоронен свя-

¹ В последнее время, в связи с падением доходов, халима не готовится.

той Баба Самит Юлбарс-хан, могила которого была на этом же месте до построения мавзолея.¹ Теперь она прикрыта облезшей старой шкурой тигра, которую носил будто бы при жизни святой. Сверху лежат бараньи рога—дар паломников, а рядом выведена „чираг хана“, сильно прокопченная от обильных возжиганий сальных свечей.

Малая мечеть—наиболее жизнерадостная по своей архитектуре и отделке комната. Крестообразная в плане, она перекрыта двойным куполом. Через частые прорези шестнадцати окон, устроенных в сплошь покрытом сталактитами куполе, масса света ниспадает на лепные алебастровые украшения ниш и парусов. Вся почти покрытая теперь лишь белой штукатуркой, мечеть хорошо сохранила от прежнего убранства обложенный изразчатой мозаикой михраб и в некоторых местах бордюры изразцовой панели. На устланном циновками и материями полу по пятницам рассаживаются местные дервиши ордена накшбандиев для продолжения радения „джахр“. Они приступают к нему еще в ночь с четверга на пятницу, между двенадцатью и двумя часами, в подземной комнате, где будто бы в течение своей жизни подвизался сам Ходжа Ахмед.² В пятницу же по окончании джума-намаза в час дня они переходят к исполнению громкого „зикра пилы“. Тесным кольцом, сидя на корточках у михраба и качая в такт головами, они особенным образом выкрикивают слова: „он (т.-е. бог), живой.“ В это время старшие ученики пира, стоящие за кругом, распевают стихи из хикмета Ходжа Ахмеда. В условиях хорошей акустики далеко по всей мечети разносится своеобразная мелодия, где в аккомпанименте хора явственно слышатся звуки большой пилы, пилящей дерево. Зикр длится два-три часа в зависимости от настроения участников. Иногда к кругу присоединяются охваченные экстазом зрители, сидящие поодаль в мечети. Жуткий элемент вносят в бурное течение зикра кривлянье и дикие выкрики мечущегося диваны-юродивого.

Малая мечеть отделена от самой усыпальницы Ходжа Ахмеда коридором, носящим название „зиарат юляк“, где лежат на полу четыре надгробия и две мраморные полуколонны от панели. Здесь совершающие поклонение могут ближе всего подойти к месту погребения святого, комната с могилой которого отделена только забранной решеткой дверью.

Обычно зиарат начинается с того, что паломников, прошедших через казанлык, останавливают у суфы—большой ниши перед входом в усыпальницу. На цепи, укрепленной под потолком, спускается двухъярусная люстра, а выше над ней висит позеленевший от времени медный сосуд. Стены покрыты текстами священных изречений, написанными на бумаге разными каллиграфическими почерками. Перед дверью, скрытой за занавесью, стоит наклонно крупный туг с пышным хвостом яка и ажурным бронзовым наконечником. Провожающий шейх медленно отводит в сторону занавесь, и глазам паломников открывается редкой красоты и сохранности крупная резная дверь с тонкой костяной инкрустацией. На изящных петлях работы Изз-ед-Дина Исфаганского стоит дата их изготовления 797 г. х., т.-е. 1394/5 г. н. э. Косяк двери обит листовым железом, на котором довольно явственно

¹ Некоторые хотят видеть в Юлбарс-хане историческое лицо, а именно, того хана, который одновременно с известным Аблаем принимал подданство России и получил на это грамоту от Анны Иоанновны. Данных, подтверждающих это мнение, пока нет.

² Эта подземная комната, именуемая „гар“ (пещера), находится неподалеку от мавзолея в ю.-з. направлении, где теперь возведена небольшая мечеть.

проступают следы искусной рукой нанесенных золотом священных текстов, обрамленных продолговатыми картушами. Над косяком помещена забеленная теперь каменная плита с вырезанной надписью, что эта усыпальница (рауза) сооружена по воле эмира Тимура. С легким лязгом волочащейся петли открываются затем двери, и в глубине комнаты на приподнятом полу перед глазами богомольцев появляется высокое надгробие святого, до полу закутанное специальными одеяниями (кабрпуш). Стоящим в полутемном казанлыке и смотрящим с некоторого расстояния в усыпальницу сквозь открытую дверь кажется, что на могилу нисходит как бы горный свет, так как в самой усыпальнице всегда очень светло.

Внутри ее обыкновенных паломников не пускают. Туда заходит шейх, и, вынеся лежащие на полу у могилы крупные четки, принадлежавшие, якобы, Ходжа Ахмеду, прикладывает их к глазам совершающих зиарат. После того им вручается по горсточке земли с могилы святого;¹ дверь закрывается; спускается занавесь, при чем все это происходит нарочито столь спешно, что трудно бывает рассмотреть все внутреннее убранство, которое не отличается особенной пышностью. Выбеленные стены внизу одеты голубой изразцовой панелью с синими изразцовыми же угловыми полуколонками. Пол устлан циновками и материями. В углах стоят три широкие низкие и две высокие стройные уникальные бронзовые подставки для чирагов и свечей, покрытые резьбой и серебряной инкрустацией. Выбитые на них надписи гласят, что они сделаны по повелению Тимура все тем же талантливым исфаганцем Изз-ед-Дином. В задней нише деревянные футляры в форме граненых столиков хранят рукописные списки коранов и других богословских сочинений, некоторые из которых являются отличными образцами средневекового каллиграфического искусства. Само возвышающееся в середине надгробие, всегда скрытое кабрпушами, сложено из гладких плит светло-зеленого привозного мрамора и не имеет никаких орнаментов и надписей.² С южной стороны около него показывают могилы жены Ходжа Ахмеда и его сына Ибрагим-шаха.

Шейхи мазара и легенды о Ходжа Ахмеде. Обычно при зиарате посетителей не проводят даже через все перечисленные помещения, не говоря даже о второстепенных комнатах и коридорах второго этажа, а также помещений в толще пилонов портала, входы в которые были по хозяйственным соображениям замурованы шейхами,

Год от году увеличивается число семейств шейхов при мазаре Ходжа Ахмеда.³ Год от году падает число паломников, стекающихся на поклонение святыне. Значительно реже закалывают при зиарате баранов. Уменьшается спрос на раздаваемые амулеты-тумары, когда

¹ Земля берется из отверстия в полу, в котором снято несколько кирпичей. Спрос на нее столь велик, что убыль постоянно приходится пополнять за счет пыли, взятой со двора. Земле этой приписываются свойства исцелять некоторые кожные болезни.

² Несмотря на то, что надгробие всегда прикрито несколькими кабрпушами, два из которых, повидимому, насчитывают не менее двух веков существования, оно от времени постепенно разрушается. Часть плит с западной стороны начинает крошиться.

³ В настоящее время насчитывается около двухсот семейств шейхов, признающих себя родственниками Ходжа Ахмеда.

то высоко ценившиеся паломниками¹. Скуднее становятся приношения шейхам, прежде получавшим немало денег, лошадей, верблюдов, халатов. Не ослабевают только рвение шейхов, отбивающих посетителям на память кусочки надгробий,² показывающих чудеса „айна-таша“, демонстрирующих на высоте купола кирпич, который должен упасть в день страшного суда, или предлагающих безошибочно счесть подряд несколько раз петли и шишки большого котла. Волнующийся богомолец, обычно сбиваясь, насчитывает, то 41 то 40 петель и шишек, и в этом видят опять проявление чего-то чудесного.

Громадный величественный портал, обширный полутемный казанлык, залитая розовым светом могила знаменитого суфия, нашептываемые шейхами тайны чудес—все это оставляет неизгладимый след у богомольно настроенных людей. Даже непоработанные религиозным ханжеством и формализмом кочевники-казаки глубоко бывают поражены всем виденным и слышанным. Унося с собой острые впечатления и делаясь ими с окружающими, они со свойственной детям природы наивной фантазией легко переплетают действительность с вымыслом, отдавая предпочтение второму. Так рождаются легенды о Ходжа Ахмеде, с большой любовью и интересом передающиеся по всей степи.

В них говорится, что чудесная сила Ходжа Ахмеда проявилась в нем уже в юношеском возрасте. Передают, что однажды, когда отец его полел свой огород в Сайраме и был совершенно измучен тяжелой работой, проходивший Ходжа Ахмед одним словом очистил землю от сорных трав и колючек. Вскоре после того он пошел на север искать уединения и, дойдя до того места, где стоит теперь Туркестан, воткнул в землю свой посох. Тотчас на поверхности выступила вода, и образовался источник. Тут Ходжа Ахмед возвел себе саклю и разбил огород. Свыше был дан ему белый верблюд, на которого шейх садился при совершении утреннего намаза. Верблюд по воздуху уносил его ежедневно в Мекку, и скорость полета была такова, что, начав совершение намаза в Туркестане, святой кончал его уже в Мекке.

Как-то раз один еврей усумнился в истинности этого и назвал суфия обманщиком. Тот предложил ему явиться утром следующего дня. Велики были изумление и страх еврея, когда при восходе солнца он увидел быстро приближавшегося белого верблюда. Ходжа Ахмед предложил еврею занять место на спине животного позади себя и велел сидеть все время до спуска с закрытыми глазами. Взвился верблюд и понесся в воздухе. Шейх творил намаз. Еврей не вытерпел, одним глазком взглянул вниз и тотчас свалился на землю прямо на то место, где сидел в кругу своих приближенных хан Джулбарс. Сильно были удивлены его внезапным появлением все присутствующие на совещании, а узнав причину этого, хан велел за оскорбление святого сжечь еврея на дереве. Уже пылали ветки сухого ствола, к которому был привязан еврей, когда пролетал на обратном пути в

¹ В так называемой автобиографии Тимура говорится, что эмир получил от туркестанских шейхов перед походом в Малую Азию писанный тумар. Иногда к тумарам прикладывается большая круглая печать, изготовленная неким Ходжи-ханом в 1212 г. х. т.-е. в 1797 г. н. э. В середине ее вырезано—Хазрет Султан Ходжа Ахмед Ясеви. Кругом размещены 10 имен шейхов с именем Ахмед, знаменитых в мусульманском мире. На другой более старой печати ни даты ни наружного круга нет.

² Такие сколы, между прочим, совершенно изуродовали одно из надгробий в Большом Ак-сараяе.

Туркестан из Мекки Ходжа Ахмед. Сжалился он над несчастным и велел дереву с евреем лететь за собой. Еще больше пришли в изумление все сидевшие с Джулбарс-ханом, когда огромное дерево исчезло из их глаз. Сам хан впал с тех пор в глубокое раздумие и, наконец, решил пойти послушать учение Ходжа Ахмеда. Увидев шейха, он привязался к нему всем сердцем и на всю жизнь остался его учеником, делая только одно добро и распространяя славу своего учителя. Один подле другого были они похоронены после смерти на том месте, где двести лет спустя Тимур начал постройку мавзолея. Но лишь только рабочие вывели стены, как явился в глухую полночь огромный зеленый бык и рогами раскидал все сделанное. Вновь стали возводить здание. Уже сложили арки и своды—и в одну ночь от всего осталась лишь груда развалин. Задумался Тимур. И явился ему во сне некий старец, который объявил волю Ходжа Ахмеда, чтобы сперва возвели мазар на могиле его первого руководителя Баб Арслана. Охотно выполнил это требование Тимур, и только после этого постройку туркестанского мавзолея удалось довести до благополучного конца.

Приложение 1.

Надпись верхнего яруса на бронзовом котле.

„Сказал бог всемогущий и всевышний: „ставьте ли вы подающих воду совершающим праздник при запретной мечети“... смотри стих корана.¹ Сказал он (пророк), да будет над ним мир: „кто поставит сосуд для воды ради бога всевышнего, тому бог всевышний соорудит водоем в раю“. Повелел соорудить этот сосуд для воды великий эмир, повелитель народов, избранный попечением царя всемилостивого, эмир Тимур Гураган—да продлит бог его царствование—для могилы шейх-ул-ислама, главы всех шейхов в мире, шейха Ахмеда, уроженца Ясы—да осветит бог его достойную душу. Двадцатого шавала 801 года“.

(Во втором ярусе). „Работа слуги, стремящегося к богу, мастера Абд-ал-Азиза, сына мастера Сарвар-ад-Дина Тавризского“.

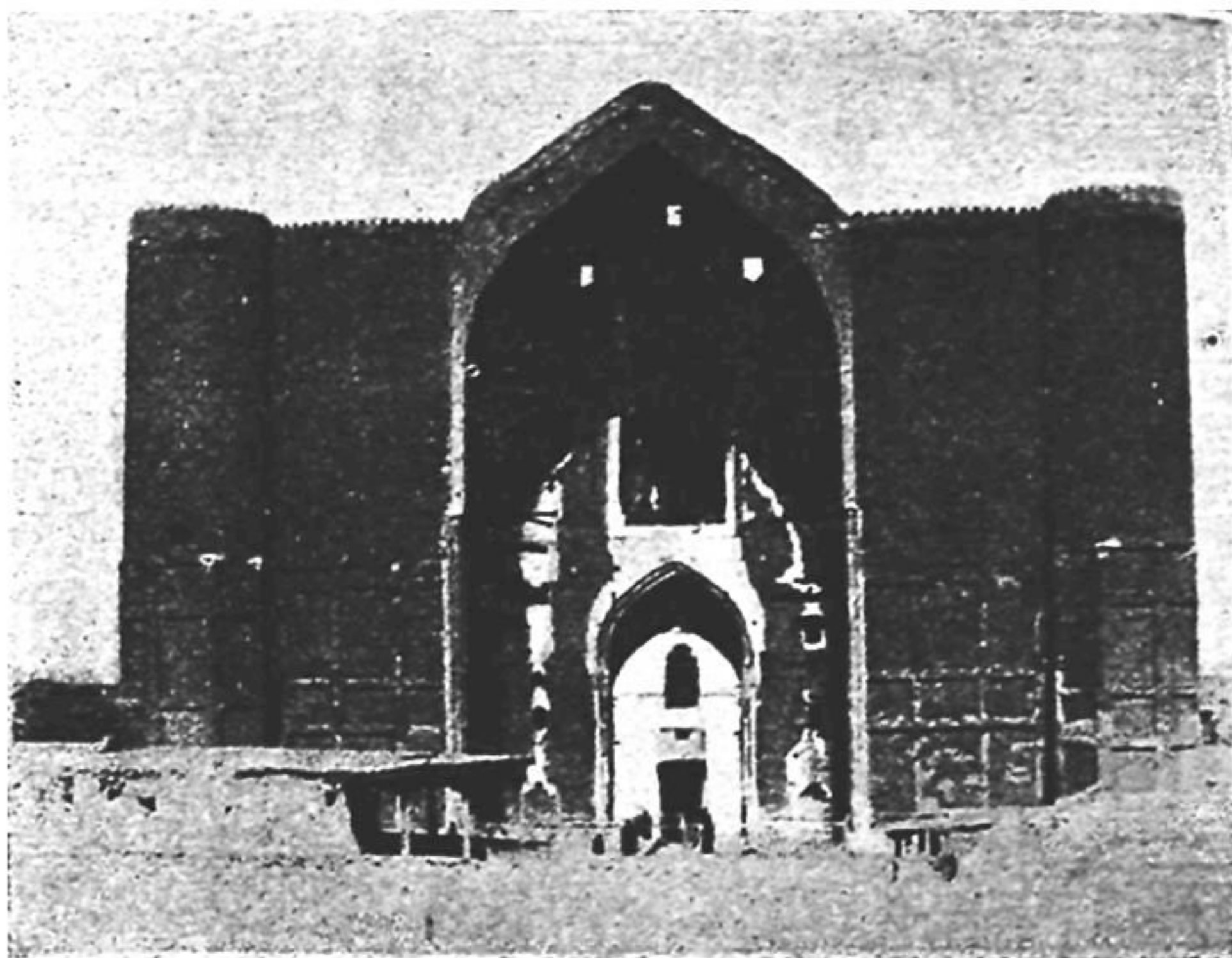
Приложение 2.

Надпись надгробия Раби'а Султан бегум, дочери Улугбека Гурагана.

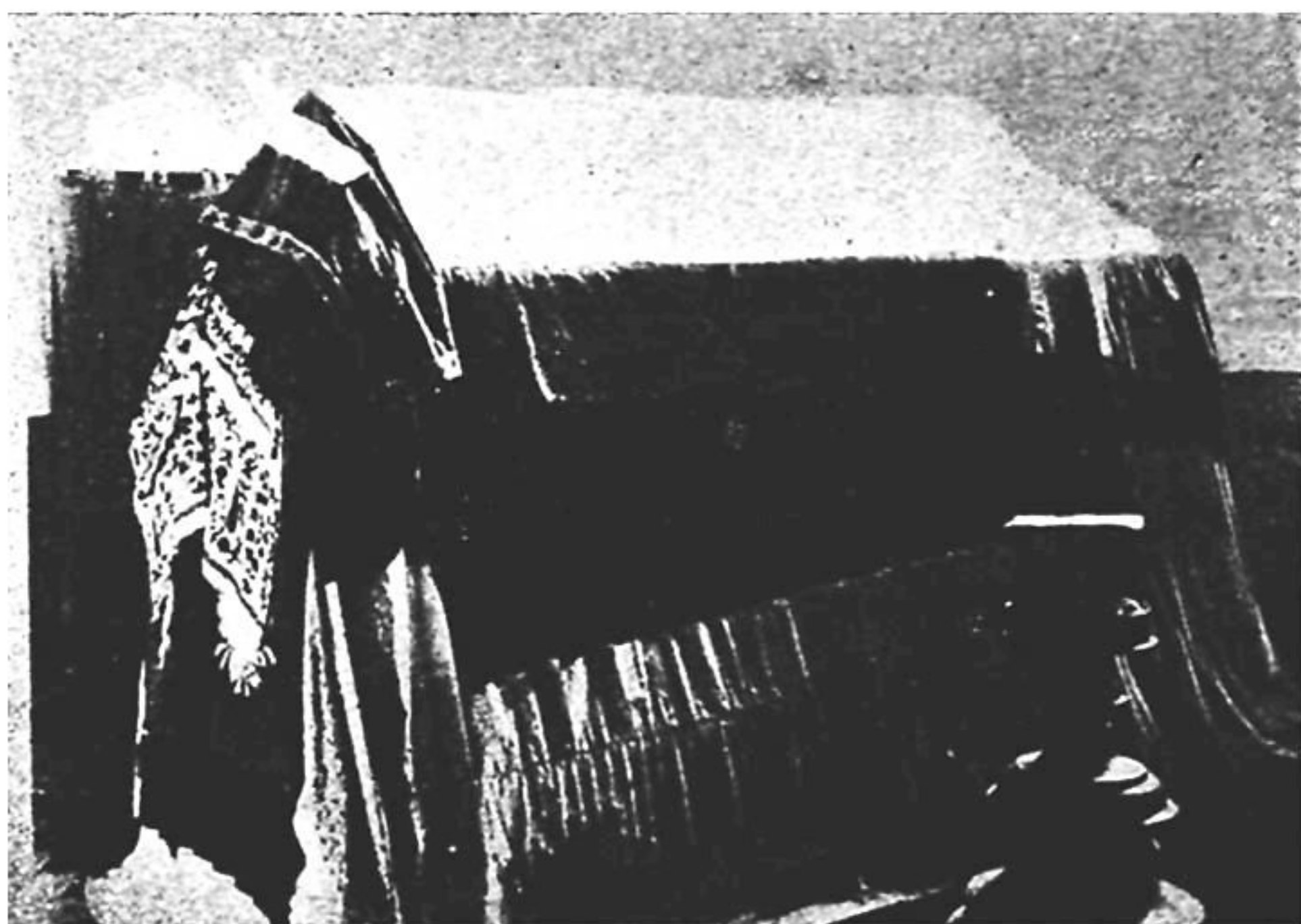
„Это место покоя благородной, прощенной (богом), помилованной, добродетельной Раби'а Султан бегум, дочери умершего мученической смертью, могущественного, великого султана Улугбека Гурагана; он же сын могущественнейшего султана мирза Шахруха, сына великого прославившегося эмира Тимура Гурагана. Да осветит бог все их могилы до дня суда.“

Случилось же горестное происшествие отбытия из жилища временного в обитель вечную в один из месяцев 890 года новолунной эры бегства избранного пророка—да будет с ним милосердие и мир“

¹ Коран, IX сура, стих 19-й.

Главный портал мавзолея Ходжа Ахмеда.

Покрытая кабрлушами мраморная сагана Ходжа Ахмеда и одна из бронзовых подставок, поднесенных могиле Тимуром.

Цена 50 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Ташкент, Советская ул., Сыр-дарьинский Окружной Музей